

ПИЧУГИНА ВИКТОРИЯ КОНСТАНТИНОВНА

Доктор педагогических наук,
профессор РАО, доцент,
ведущий научный сотрудник
Центра истории педагогики и образования
ФГБНУ «Институт стратегии развития
образования Российской академии образо-
вания».

E-mail: Pichugina_V@mail.ru

УДК 152.32

СЕСТРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ И БРАТСКАЯ НЕНАВИСТЬ В ТРАГЕДИИ ЕВРИПИДА «ФИНИКИЯНКИ»: ОПЫТ АНТРОПОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ

**Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект «Воспитание театром и в театре:
античная педагогика сцены» №17-36-01006)**

Аннотация. Трагедия Еврипида «Финикиянки» рассмотрена как текст, потенциально открытый для антрополого-педагогического комментария. Сюжетная линия трагедии строится вокруг проявлений сестринской любви на фоне братской ненависти, которые стали результатом домашней педагогики царя Эдипа и отчасти его шурина Креонта. Главными героями трагедии являются взрослые дети Эдипа (Полиник, Этеокл, Антигона и Исмена, которая незримо присутствует в трагедии) и Креонта (Менекей и Гемон, о котором также есть лишь упоминание). Героев объединяет то, что у них оказывается нарушенной антропологическая навигация: их поиск и обретение своего места в бытии чаще подкреплён не знанием, а притязанием на всезнание.

Ключевые слова: античная педагогическая культура, антропологический хроно-топ в древнегреческих трагедиях, педагогическая антропология трагедии «Финикиянки» Еврипида.

© Пичугина В. К. 2018

Victoria K. Pichugina

**SISTERLY LOVE AND FRATERNAL HATRED
IN EURIPIDES' «PHOENISSAE»:
COMMENTARY FROM PEDAGOGICAL ANTHROPOLOGY**

Abstract. The tragedy of Euripides «Phoenissae» is considered as a text potentially open to commentary from pedagogical anthropology. The plot line of the tragedy is built around manifestations of sisterly love against the background of brotherly hatred, which are the result of the home pedagogy of King Oedipus and, in part, his brother-in-law Creon. The main heroes of the tragedy are the adult children of Oedipus (Polynik, Eteokl, Antigone and Ismen, which is invisibly present in the tragedy) and Creon (Minekei and Gemon, of which there is also only mention). Heroes are united by the fact that they are disturbed by anthropological navigation: their search and finding their place in being is often reinforced not by knowledge, but by a claim to omniscience.

Key words: ancient pedagogical culture, anthropological chronotope in ancient Greek tragedies, pedagogical anthropology in Euripides' «Phoenissae».

DOI: 10.32691/2410-0935-2018-13-104-115

Одним из любимых сюжетов древнегреческих драматургов было изображение царя Эдипа и его близких, прошедших через множество жизненных испытаний. В трагедиях Эсхила «Семеро против Фив» (пост. 467 г. до н.э.)¹, Еврипида «Финикиянки» (пост. между 411 и 409 гг. до н. э), Софокла «Антигона» (пост. 438 или 442 г. до н.э.) и «Эдип в Колоне» (пост. 401 или 407/6 г. до н.э.)² этот сюжет разворачивается во многом для того, чтобы показать особую модальность этой истории через деяния детей Эдипа. Сюжеты трагедий дают панорамное видение случившегося с ними до и после осады их родного города Фивы. В основу трагедии Еврипида «Финикиянки» положен мифологический сюжет о вражде сыновей Эдипа Этеокла и Полиника и посильной поддержке, которую им оказывает их сестра Антигона³. *Проявление сестринской любви на фоне братской ненависти представляет богатый материал для антрополого-педагогического комментария.* Он будет выполнен на основе детальной проработки фрагментов, где главные герои пытаются утвердить себя в непростой ситуации, в которой оказалась сестра враждующих братьев.

Афинский зритель знал, что Антигона – это одна из дочерей Эдипа, т.е. представительница дома Лая, над которым тяготеет проклятье. О том, что это не среднестатистическая женщина, метко пишет В. Н. Ярхо, излагая сюжет: «Всякая царевна, конечно, должна тяжело переносить смерть своих родителей и братьев, но не всякой выпадает доля родиться от кровосмесительного брака, пережить самоослепление отца, самоубийство матери и увидеть гибель братьев от взаимного убийства. Не всякой приходится, вдобавок к этому, узнать, что тело одного из братьев брошено на осквернение псам, и взять на себя

¹ Это единственная дошедшая до нас трагедия Эсхила из его фиванской трилогии. Трагедии «Лай» и «Эдип», предшествовавшие «Семерым против Фив», не сохранились.

² Трагедия Софокла «Царь Эдип» является третьей трагедией из его цикла о царе Эдипе, но в ней дети Эдипа не присутствуют как герои.

³ О второй дочери Эдипа, Испене, в трагедии есть лишь упоминание.

под риском смерти заботу о запретном погребении» [Ярхо 1986: 66]. Мифологический сюжет именно в таком виде, о котором коротко повествует Ярхо, и представлен Еврипидом в трагедии «Финикиянки». У Гомера в «Одиссее» и «Илиаде» жизнь Эдипа показана не столь тяжелой, а его дети не упоминаются совсем. Эдип в версии Гомера был «безотрадным страдальцем», который по неведению убивает своего отца Лая, женится на своей матери Иокасте и, когда обман раскрывается, она совершает самоубийство, а Эдип продолжает царствовать в Фивах до самой смерти. Еврипид берёт на вооружение слова Гомера о том, что «гибельно царствовать в Кадмовом доме» (Hom. Od. XI.275) [Гомер 1981: 176], и предлагает свою версию развития мифа с целым рядом отступлений и нарушений логической связи между событиями.

Трагедия Еврипида «Финикиянки» позволяет проследить жизнь царского дома Фив от основания города Кадмом (с упоминанием славного правления Эдипа) и до угрозы разрушения. У Еврипида присутствуют все герои этой мифологической истории, добавляется новый герой Менекей, а жизни Эдипа и Иокасты продлеваются, чтобы они стали свидетелями деяний своих детей. Еврипид строит трагедию таким образом, что все её герои связаны с общим предком – финикийцем Кадмом. Непростая судьба Фив предстает циклическим повторением одних и тех же сюжетов, которые герои никак не могут распознать. В этом им пытаются помочь хор девушек-финикиянок, которые остро чувствуют свою связь с происходящим: «И стоны с башен фиванских / Слезой в Финикии прольются...» (Eur. Phoen. 244-5) [Еврипид 1969: 175]. Именно через первые партии хора Еврипид даёт понять, что речь пойдёт не о современных ему Фивах, а об истории, имевшей место в древних Фивах и не лишённой педагогической составляющей.

ЧЕЛОВЕК ИЛИ ЗВЕРЬ? МОРАЛЬНАЯ СЛЕПОТА ЭТЕОКЛА И ПОЛИНИКА

Простые и часто даже наивные речи девушек-финикиянок из хора возвращают зрителя/читателя к прошлому, не отдаляя от настоящего. В первом стасиме хор поёт про Кадма, который основал Фивы на том самом месте, где убил дракона (Eur. Phoen. 650-75). Пышная зелень земли скрывала порождённого ею зелёного змееподобного дракона, убийство которого окропило землю кровью и произвело «кровожадное потомство» [Michelini 2009: 177]. В этом просматривается некая трагическая цикличность: насилие на этой земле будет неизбежно повторяться снова и снова, слава и страдание будут неразделимы. Пышная зелень и плодородность фиванских земель резко контрастировала со скучным ландшафтом Афин, что позволяло драматургу дальше развивать мысль о моральном контрасте этих городов. Во втором стасиме хор называет порождённых от крови дракона мужей «позором и славой отчизне» («самый благородный позор Фив», 822) [Еврипид 1969: 206] и поёт про то, как величественно вставали стены города Фивы, ныне находящегося в осаде. В третьем стасиме хор переходит к описанию заключительной части фиванской легенды – триумфа Эдипа над Сфинксом, представлен как победа с оттенком горечи предвосхищения последующих за этим событий. В прологе о Сфинксе уже рассказала Иокаста, напомнив, как «коварная душила граждан дева» (Eur. Phoen. 46) [Еврипид 1969: 167] и как фиванский трон получил одолевший её Эдип.

В описаниях хора снова присутствует цикличность, указывающая на близость деяний Кадма и Эдипа. Некогда умерщвлённые дракон и Сфинкс продолжают приносить страдания Фивам. Хор осторожно подводит к мысли о том, что оба монстра не побеждены до конца и будут продолжать требовать новых кровавых жертв от города.

В логике Еврипида *Этеокл и Полиник станут своеобразными живыми воплощениями этих некогда убитых монстров* [Podlecki 1962: 365], угрожающих существованию города. При первом появлении на сцене Полиник проявляет животную осторожность. Он говорит, что свободно вошёл в город, но с тяжёлым сердцем: «Но тревоги / Я побороть не в силах... Нет ли тут / Сетей каких – захватят и изранят...» (Eur. Phoen. 263-5) [Еврипид 1969: 176]. Иокаста обращается к Полинику и спрашивает, чем он питался, находясь в изгнании. Услышав в ответ, что с этим не всегда было просто, Иокаста напоминает о его благородстве по крови, которое всегда должно отличать от простых смертных (Eur. Phoen. 405). Полиник говорит, что жизнь заставляла его вести себя, как дикий зверь, и именно таким он предстал перед городом, который его приютил (Eur. Phoen. 422-3). Только после этого, утверждает Полиник, он снова стал жить по-человечески. Этеокл прямо не описывает себя как зверя, но проявляет агрессивную жестокость и жажду смерти брата. Его желание схватиться с Полиником в смертельном поединке без участия их армий несколько напоминает желание вожаков животных сойтись в бою без участия их стай. Хор подтверждает это, когда описывает сходящихся для поединка братьев: «Как звери, со злобой в душе кровожадной...» (Eur. Phoen. 1296) [Еврипид 1969: 288].

У Еврипида образы света так чередуются с образами тени, что победа над Сфинксом и былая слава Эдипа постепенно меркнет и его слепота рассматривается как тяжелая безнадежность, неспособность воспринимать мир «широко открытыми глазами» [Podlecki 1962: 357], как это делают, например, Антигона и сын Креонта Менекей. Чередование упоминаний о солнце и луне, молнии и громе создаёт необходимую драматургу атмосферу контрастности мнений и решений, которая абсолютизируется в диалоге Иокасты с сыновьями, которые жаждут боя. Неслучайно Полиник включает в свою речь следующую фразу: «На всякий случай меч перед собой / Я протяну во мраке» (Eur. Phoen. 277-8) [Еврипид 1969: 177]. Иокаста отвечает речью о мраке, который окутывает слепого Эдипа (Eur. Phoen. 334) и всё его окружение. Еврипид даёт понять, что сыновья Эдипа тоже слепы: они отказываются видеть опасность их властных притязаний для города.

Полиник описывает свою жизнь после изгнания из города как скитание дикого животного, которого наконец-то приютили родственники той, которую он взял в жены. Полиник пытается подавить в себе животное начало и воскресить человеческое, чему противится Этеокл. В одном из диалогов Этеокл напоминает Полинику, что тот был изгнан из отчизны и ему не следует призывать на помощь «здесьших» богов. Более того, он запрещает ему простиаться с отцом и обнять мать и сестер. У Еврипида Иокаста говорит одному из сыновей: «Да, жить среди глупцов... какая пытка...» (Eur. Phoen. 394) [Еврипид 1969: 181]. А второму намекает на то, что еще большая пытка быть глупцом. В борьбе за трон отца Этеокл готов убить родного брата Полиника и утверждает, что добродетелен во всем, кроме этого. Он ослеплен тем, что его

матер называет «жаждой чести», и не хочет слушать даже тех, кто старше и мудрее. Иокаста с горечью говорит ему: «Дитя мое! Среди недугов старость /Стяжала опыт мудрый и его / Не отвергай, мой сын, а вразумляйся» (Eur. Phoen. 528-530) [Еврипид 1969: 189]. Еврипид здесь подчёркивает, что мудрость можно получить не только через наказание за глупость. У Этеокла есть шанс избежать кары богов, «вразумиться» заранее, а не через эту кару как наказание. Однако амбиции мешают это сделать.

Физическому столкновению братьев предшествовал словесный агон в присутствии их матери. Когда Иокаста в первый раз видит Полиника, между ними происходит такой диалог: «Скажи, дитя, отчизну потерять Большое зло для человека, точно? / Огромное: словами не обнять...» (Eur. Phoen. 387-389) [Еврипид 1969: 181]. Искренняя речь Полиника на тему тягот изгнания резко контрастирует с софистической речью Этеокла по поводу праведности неправедных действий во имя возвращения власти (Eur. Phoen. 499-502; 524-25). Иокаста старается стать мудрой наставницей для сыновей, но она может занять лишь роль судьи в этой словесной перепалке. Её речь о недопустимости действий по глупости, которые могут спасти или погубить мудрый город, остаётся незамеченной.

Иокаста трижды просит сыновей говорить друг другу в глаза, поскольку «так легче говорить и слушать речь» (Eur. Phoen. 468-9) [Еврипид 1969: 186]. Она даже не столько пытается заставить братьев посмотреть друг на друга, сколько посмотреть в будущее, а не в прошлое: «...вы, взорами сплетаясь, / Одно в уме держать старайтесь дело, / Что обсудить решили, а обид / И прошлых зол не сохраняйте память!» (Eur. Phoen. 462-5) [Еврипид 1969: 187]. Однако, если братья, действительно, вжились в роли диких зверей, жаждущих боя, то предложение Иокасты посмотреть друг другу в глаза только усугубит дело. По законам животного мира два вожака стай будут смотреть друг на друга до тех пор, пока в глазах одного не появится нерешительный страх, за которым и последует атака со стороны противника.

Антигона, рассказывая Эдипу о бое между братьями, говорит фразу: «В разгаре сраженья, как львы молодые, / В пещере одною вскормленные львицей...» (Eur. Phoen. 1572-3) [Еврипид 1969: 239]. Показательны обращения братьев к богам перед боем: Полиник просит Геру вручить ему «кровию омытую победу» (Eur. Phoen. 1367) [Еврипид 1969: 232], а Этеокл – Палладу о том, чтобы его копье убило брата-предателя (Eur. Phoen. 1377). Когда умирающий Полиник наносит смертельный удар брату, становится понятно, что он получил хорошее образование, действительно достойное его благородству крови, о котором твердила Иокаста. Неслучайно в начале трагедии он упомянул о гимнасии, где в юности провёл много времени (Eur. Phoen. 368). Вестник, сообщая подробности боя, произносит, что исход братского противостояния «для города счастливый и ужасный» (Eur. Phoen. 1479), что снова возвращает нас к прошлому города, когда уже один раз свершался «самый благородный позор Фив».

После поединка между братьями хор предваряет горестные речи Антигоны словами о тяжёлой судьбе царского дома, члены которого связаны смертью и находятся во мраке (Eur. Phoen. 1485-6). Поскольку моральная слепота сыновей Эдипа очевидна, то неизбежно возникает вопрос, не поражены ли тем

же недугом и его дочери. Поскольку об Исмене Еврипид лишь упоминает, то в фокусе внимания оказывается только Антигона. В начале трагедии Антигона представлена как девушка, которая хочет смотреть и видеть (как в прямом, так и в переносном смысле). Взобравшись на городскую стену и увидев готовящуюся напасть на город армию, Антигона удивлена, взволнована и опечалена. Её речи слишком наивны, чтобы заподозрить в ней героя, способного каким-то образом защитить город или повлиять на его судьбу. Антигона, которая появляется в заключительной части трагедии, совершенно иная. Её речи резко контрастируют с предыдущими, поскольку полны глубоких оценок мужским действиям и решениям: «Ты, Полиник, врагом наречён недаром: / Распря твоя вражду родила...» (Eur. Phoen. 1493-4). Её трудно назвать «слепой» в том смысле, который применим к Полинику и Этеоклу, но некоторое подозрение в её моральной слепоте, всё же, присутствует у зрителя/читателя.

Если то, что движет Этеоклом, Полиником, Иокастой и Креонтом, более или менее понятно и отчасти лежит в плоскости домашней педагогики, то мотивация Антигоны спорна. Желание похоронить брата не только не вернёт его, но и увеличит её потери, поскольку она лишится возможности построить свою семью с сыном Креонта: «Она совершаet своё “святое преступление”, потому что порадовать мертвых для неё важнее, в конечном счёте, чем угодить живым в краткосрочной перспективе» [Zellner 1997: 316]. Креонт ратует за живых, а Антигона за мёртвых, демонстрируя не совсем типичное для женщин того времени поведение. Её гордыня особенно ярко проявляется при соопоставлении сюжета трагедии с сюжетом, приведённым у Геродота. Геродот сообщает, что когда царь Дарий принимает решение казнить некого Интафrena и всю его родню, перед его женой встает непростой выбор. Дарий обещает женщине оставить в живых лишь одного близкого человека, и она выбирает брата. Удивлённый царь интересуется, почему не мужа, на что получает ответ: муж и дети ещё будут в её жизни, если богам будет угодно, а вот обрести нового брата ей уже не суждено (III.118-119) [Геродот 1972: 174]. В данном контексте действия Антигоны кажутся странными, поскольку она делает выбор в пользу умершего брата, отказываясь от потенциального мужа и детей.

Этот отказ не так уж и случаен, если панорамно посмотреть на семейную драму: трагедия в царском доме началась с согласия на брак Лая и Иокасты, а потому должна закончиться отказом от брака Антигоны и Гемона. По мысли драматурга, мифологическая история не должна получить продолжение в следующем поколении детей, рожденных Антигоной. Антигона является, безусловно, центральным персонажем, если взять на вооружение спорную гипотезу М. Зеллнер о том, что она могла осознанно желать повторить судьбу Иокасты. От кровосмесительного брака Иокасты и Лая родился Эдип, и, казалось бы, от брака Антигоны и Гемона не может появиться такой же потомок. Возможно, именно это и понимает Антигона, когда так старается избежать брака с Гемоном и так сильно страдает по убитому Полинику. Если принять за точку отсчёта то, что ею движет не сестринская любовь, а женская любовь, то конфликт Антигоны и Креонта по поводу мертвого тела Полиника становится частью более широкого контекста искажения семейных отношений и ролей [См.: Zellner 1997]. Так или иначе, но выбор Антигоны между братом и мужем осложнён тем, что первый уже перестал быть братом, а второй ещё не стал мужем.

ЧЕЛОВЕК ИЛИ ГОРОД? ТРАГИЧЕСКАЯ СЛЕПОТА КРЕОНТА.

Заключительная речь Этеокла перед боем показывает, что Еврипид почти полностью отказывается от того, что было центральным в трагедии Эсхила, у которого встреча братьев шла вслед за выбором семи защитников ворот. У Еврипида Этеокл также является одним из главных персонажей, но смысловые акценты смещаются: он уже не один из патриотов, защитников городских ворот, а хладнокровный правитель, без стеснения озвучивающий решение убить брата ради власти в городе (Eur. Phoen. 611). Схема из семи пар противоположных по качествам воинов, стоящих в семи воротах, и кульминация боя в виде поединка лидеров была архаично традиционной. Они не столько требовали подробного объяснения в текстах трагедий [Michelini 2009: 74], сколько должны были быть упомянуты, если автор именно так хотел подчеркнуть дистанцию, разделяющую мифологическое прошлое и современное для него настоящее.

У Еврипида Креонт выступает в роли мудрого наставника для молодого и поспешного в решениях Этеокла. Этеокл хочет как можно скорее броситься в битву, а Креонт терпеливо объясняет, почему его военные стратегии обречены на неудачу. Доведя молодого правителя до крайней степени раздражения, Креонт спокойно выдвигает традиционную схему защиты города. Ирония Еврипида по отношению к трагедии Эсхила «Семеро против Фив» очевидна в диалоге Креонта и Этеокла: «Царь, семь вождей пошли к семи воротам! // Начальствовать иль предлагаешь ты / Устроить ряд кровавых поединков? // Начальствовать, и лучших избери» (Eur. Phoen. 742-5) [Еврипид 1969: 203]. Этеокл соглашается и произносит слова: «Сейчас иду я в город семивратный... / Перечислять намеченных теперь / Не время, кажется, когда враги так близко (Eur. Phoen. 751-3) [Еврипид 1969: 203]. Через Этеокла, не желающего терять время на реализацию плана обороны Креонта, Еврипид утверждает свое нежелание повторять основную линию трагедии Эсхила. Еврипид разворачивает действие иначе: у него тоже семь защитников Фив, но это не военные начальники, среди которых Этеокл. *Семь защитников города у Еврипида выбраны из восьми ключевых героев трагедии: Эдипа, Иокасты, Креонта, Тиресия, Антигоны, Менекея, Полиника, Этеокла.* Полиник по определению не может быть защитником города, на который он идет войной. Защитники принадлежат к разным поколениям, каждый из них имеет трагическую судьбу и все это оказывается связанным в единую трагедию, во многом, благодаря Креонту [Michelini 2009: 170]. Именно он больше всех находится на сцене для того, чтобы обеспечить взаимодействие между всеми героями.

Этеокл покидает сцену со словами о спасении города и неизбежности поединка с братом. Не называя имени Антигоны, он просит Креонта в случае его смерти устроить её брак с Гемоном. Заключительные слова Этеокла полны патриотизма и искренности: «Иду я за отчизну / На праведный и благородный бой... / Ты ж, из богинь богиня, Осторожность, / Храни мой дом и Фивы без меня!» (Eur. Phoen. 780-3) [Еврипид 1969: 204]. Многое ранее этого он уже сказал, что их битва с братом будет не у одних из семи ворот, а в поле (Eur. Phoen. 622) [Еврипид 1969: 195]. Теперь говорит о локализации битвы несколько иное: «Но для себя я место приберег: / Я стану там, где встречу Полиника» (Eur. Phoen. 754-5) [Еврипид 1969: 204].

Зритель, ждущий вслед за этим боя между братьями, будет разочарован. В трагическое действие врезается эпизод про самопожертвование сына Креонта Менекея и радостная речь вестника о том, что Этеокл и Полиник живы. Вестник говорит, что когда армия Полиника сильно поредела в общем бою, Этеокл обратился с городской стены к нападавшим и оборонявшимся с предложением остановить кровопролитие и согласиться на бой только между ним и Полиником. Этеокл предстаёт как защитник города и горожан, ставя на кон только свою жизнь. Теперь его ранее сказанные слова – «Иду я за отчизну...» – звучат с чётким акцентом на «я». Но в этом акценте, всё же, слышна комбинация общественных и личных мотивов: Этеоклу важно заручиться поддержкой богов и людей, чтобы не столько сохранить город, сколько сохранить его для себя. Зрителю удастся узнать о бое и его результатах только после диалога Антигоны и Иокасты, партии хора и диалога предводителя хора с Креонтом. О том, зачем текст трагедии дважды разрезается, мы скажем чуть ниже. Сейчас сосредоточимся на том, как второй вестник описывает Креонту бой между братьями. Он говорит об искусной защите Этеокла, нанесении им смертельного удара Полинику, а затем указывает на смертельную ошибку Этеокла в обороне. Поверженный Полиник, воспользовавшись неосторожностью брата, вонзил меч «ликующему в сердце» (Eur. Phoen 1423) [Еврипид 1969: 233]. Ликование Этеокла после того, как ему удалось сразить брата в очередной раз подтверждает сложность комбинации его мотивов.

Несмотря на то, что Этеокл ставит на защиту города, а Полиник – на разрушение, оба брата хотят использовать город в своих целях. По одной из гипотез, все вставки в речи Этеокла, посвящённые стратегии разумной защиты города, создают «ошибочное впечатление, несовместимы с замыслом Еврипида и потому написаны не им» [Willink 2010: 212]. Так или иначе, но противоречивость речей Этеокла нельзя не заметить. Мотиву самопожертвования ради города (пусть и не в роли защитника одних из семи ворот) предшествовали ничем не прикрытые эгоистические стремления любой ценой убить брата ради сохранения власти в городе. Ещё раз обратимся к объёмной прощально-напутственной речи Этеокла, слушателем которой является Креонт (Eur. Phoen 749-776). Последний приказ, который Этеокл даёт Креонту, звучит достаточно странно: в случае победы Этеокла Креонт под страхом смертной казни не должен разрешать погребение Полиника (Eur. Phoen 775-780). Казалось бы, в случае победы Этеокл может проконтролировать всё это сам и, если и надо привлекать Креонта, то дав ему приказ на действия в случае поражения. Странность формулировки Этеокла может смягчить только то, что он демонстрирует «неестественное предвидение» [Willink 2010: 212] итога братской битвы. Самым важным для нас моментом являются акценты⁴ на помольку с Гемоном

⁴ По одной из гипотез, эти акценты добавлены в речь Этеокла поздними интерпретаторами, чтобы обеспечить органичный переход между сюжетами «Финикиянок» Еврипида и «Антигоной» Софокла. Виллинк задаётся вопросом: «если мы вырезаем и Гемона, и запрет на похороны Полиника, то что делает Антигона в пьесе?» [Willink 2010]. Этот вопрос становится ещё более острым, если мы признаем, что финал трагедии, в центре которого находится Антигона, тоже имеет существенные поздние нарративные расширения. Можно спорить о деталях финала, но его общая концепция ясна: Еврипиду важно поставить точку в фиванской истории через единственных выживших потомков Лая – Эдипа и Антигона.

и решение о непогребении Этеокла, которое Креонт лишь решает выполнить в неизменном виде в изменившихся условиях.

Креонт никогда не появляется на сцене вместе с Иокастой. Во многом это связано с тем, что Иокаста и Креонт были героями с близкими целевыми установками: они пытались защитить своих детей, в то время, как Антигона ещё только готовилась взять на себя роль защитницы брата и отца. Иокаста появляется в начале трагедии для того, чтобы сообщить о бедах царского дома, и далее явить «чрезмерное материнство» [Michelini 2009: 172] по отношению к родным детям (в т. ч. и к Эдипу) и приемному Менекею. Кроенон является «чрезмерное отцовство» (если можно так выразиться, по аналогии с термином A.N. Michelini), поскольку чередует роли отца всех граждан с ролью отца только своего сына Менекея, добавляя к этому отеческое попечение за Этеоклом.

Трагедию Еврипида можно рассматривать и как трагедию Креонта, который сначала страдает как брат Иокасты и отец Менекея, а затем как регент Этеокла и дядя Антигоны. Вместо тезиса о том, что «Финикиянки» – это трагедия Этеокла, где неумолимость судьбы сочетается с нравственным выбором человека [Willink 2010: 209], я бы выдвинула аналогичный тезис относительно Креонта. Этеокл, желая узнать будущее города, не желает встречаться с пророком Тиресием, поручая это именно Креонту. Сложность отношений Этеокла и мудреца Тиресия необходима Еврипиду, вероятно, для того, чтобы особым образом расставить воспитательные акценты. Человеком, который ставит свою жизнь на кон ради спасения города, благодаря предсказанию Тиресия становится сын Креонта Менекей. Поэтому все попытки Этеокла прятаться на исключительную роль спасителя отечества заранее обречены⁵. Этеокл, обращаясь к Креонту, говорит следующее: «Тиресия-гадателя мы спросим. / К нему пошлю я сына твоего, / Что имя деда носит, Менекея. / И пусть тебе советы старец вещий / Свои подаст: меня он невзлюбил, / С тех пор как раз при нём на их искусство / Я нападал» (Eur. Phoen 769-775) [Еврипид 1969: 204]. Эта речь не просто характеризует Этеокла как «“просвещённого” человека действия, мало что касающегося до сих пор “гадания”» [Willink 2010: 215], но она врезается в относительную стройность призывов Этеокла к защите города с оружием в руках.

Нежелание Этеокла видеть Тиресия могла иметь и более прозаические мотивы: согласно одному из предположений, актер, игравший Этеокла, исполнял роль и Тиресия [Willink 2010: 214], поэтому они не могли одновременно находиться на сцене. Однако я склонна видеть в этом драматический ход, позволяющий Еврипиду показать все грани характера Креонта, который оказался не готов к получению знания о будущем. Реакция Креонта на известие о смерти Менекея является тому подтверждением. Такой человек, как Креонт, не мог не понимать, что жертва Менекея оказалась краткосрочным благом для города,

⁵ Желающие сопоставить Этеокла и Менекея, должны обратиться к их генеалогии, поскольку она демонстрирует глубину связи каждого из них с городом, который они вынуждены защищать. Этеокл – сын Эдипа, некогда освободившего Фивы от чудовища женщины-львицы Сфинкса, и потомок Лая. Менекей через свою семью с главой в виде Креонта и через приемную мать Иокасту был связан с древним фиванским родом, идущим от основателя Фив Кадма. Прошлое города не может быть правильно оценено без учета героизма Кадма и Эдипа, а настоящее – без учёта действий Менекея и Этеокла.

в котором династическая непрерывность снова оказалась под угрозой. Упрямство Антигоны вынуждает его снова и снова сопоставлять благо для города и благо для конкретной семьи, что не может не напоминать ему о смерти Менекея.

Эдип и Креонт оказываются как нельзя близкими именно в своей слепоте. Они оба перестают «видеть» город, с которым они связаны: прошлый правитель Фив слепо посыпает своих сыновей на смерть, а нынешний – ослеплён желанием любой ценой защитить от смерти своего сына. Хор высоко оценивает действия Менекея и считает его героем, обрёкшим себя на гибель на благо родного города: «Граду ж фиванскому, / Семиворотному, / Славу оставил ты...» (Eur. Phoen. 1057-9) [Еврипид 1969: 218]. Хор считает, что слава Менекея намного выше славы Эдипа в прошлом и славы Этеокла в настоящем, поскольку «победить отрадно» (Eur. Phoen. 1200) [Еврипид 1969: 223], но нужно уметь это делать достойно. Эдип получил Фивы через кровавую победу, Этеокл и Полиник слишком хотели победой увенчать фиванский престол, Креонт хотел поступиться им ради сына и только Менекею не притязал на власть в Фивах, просто подарив городу возможность спокойной жизни с любым правителем на троне. Это же сделала и Антигона в finale трагедии, добровольно удалившись вместе с Эдипом из города.

ТРАГЕДИЯ ЕВРИПИДА «ФИНИКИЯНКИ»: ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ НАВИГАЦИИ ГЕРОЕВ

Вопрос о подлинности некоторых частей «Финикиянок», а главное заключительной части этой трагедии, является одним из самых острых. Одни учёные считают необходимым взять за точку отсчёта то, что полный текст безвозвратно утерян и трагедия содержит много добавленных позже фрагментов [Willink 2010]; другие – то, что интереснее не горевать по утраченному, а попытаться проследить изменения в этой трагедии, порождённые многочисленным переписыванием и цитированием этого популярного текста [Mastronarde 2009]; третьи – то, что нужно решительно удалить все элементы нееврипидовского текста и изучать только оставшийся текст [Kitto 1939]. Так или иначе, главной загадкой финала трагедии является желание Антигоны отправиться вслед за Эдипом в изгнание, в «новый и тягостный мрак» (Eur. Phoen. 1723) [Еврипид 1969: 248]. Если вспомнить контекст, в котором Еврипид играет с образами света и тени, то ответ снова следует искать в героическом прошлом Фив.

Сразу оговорюсь, что моя дальнейшая логика построена на частичном признании подлинности концовки трагедии: я принимаю за подлинность лишь общий контекст финала, не утверждая подлинность конкретных линий. Мрак, о котором вдруг вспоминает Антигона, снова оказывается связанным с одним из монстров из прошлого Фив. Эдип вспоминает о том, что некогда он был увенчан победой богов, а Антигона просит его оставить воспоминания о победе над Сфинксом (Eur. Phoen. 1731-5). Идея о кровавой победе в прошлом, которая приносит новые и новые жертвы в настоящем, совершает здесь полный круг. Уходящие в изгнание Эдип и Антигона отдаляют Фивы от их основателя Кадма и кровожадных потомков первых горожан, которые возникли по его воле.

Если принять мнение многих учёных о том, что финальная часть трагедии Еврипида не является подлинной, то сомнения в этом закрадываются

примерно после строки 1665: «О, сжалься, царь! Хоть ради Иокасты» [Еврипид 1969: 243]. До этого момента Антигона являла в споре сильные аргументы, а теперь перешла к слабым. После упоминания о сестре, которая не имеет никакого авторитета в глазах Креонта, Антигона просит у него омыть раны убитого Полиника или перевязать их. Странные просьбы переходят в нежное обращение к Полинику, которое Креонт называет неприличным. Мы можем лишь предполагать, что в оригинале в конце трагедии каждый остаётся при своём. Фрагменты, не принадлежащие Еврипиду, могут рассматриваться нами как некий очень грубый контур того, что могло быть в finale. Антигона может сделать вид, что соглашается с Креонтом, а он увериться, что решает проблему миром и покинуть сцену с достоинством. После его ухода Антигона может заявить о скрытом неповиновении, явив тем самым жизненную стратегию своей сестры Исмены, о которой вдруг так странно упомянула. При этом Еврипид мог искусно использовать фигуру Гемона: Креонт открыто заявляет, что браку Антигоны с Гемоном быть, а она скрывает своё несогласие и то, что Полиник для неё много дороже. После осуществления своего плана Антигона, действительно, может покинуть Фивы и тайно последовать за Эдипом в изгнание. А Иокаста вполне может стать женой Гемона.

Так или иначе, финал трагедии, как и вся трагедия в целом, демонстрируют нарушения антропологической навигации⁶ героев. Их поиск и обретение своего места в бытии чаще подкреплён не знанием, а притязанием на всезнание. Мудрые слова Иокасты, оказались не услышанными всеми героями трагедии: «Поспешность не порука / За истину, и плавный ход речей / Из мудрых уст нам кажется прекрасней...» (Eur. Phoen. 454-6) [Еврипид 1969: 186]. Поспешность решений и действий привела героев к финалу, который продемонстрировал равную опасность как братской ненависти, так и сестринской любви.

Литература

Геродот 1972 – *Геродот. История в девяти книгах* / пер. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972.

Гомер 1981 – *Гомер. Одиссея* / пер. с древнегреч. В. Жуковского, вступит. статья А. Тахо-Годи; примеч. С. Ошерова. М.: Худож. лит., 1981.

Еврипид 1969 – *Еврипид. Финикиянки* / пер. И. Анненского // Еврипид. Трагедии. М.: Худож. лит-ра, 1969. Т.2.

Смирнов 2016 – *Смирнов С. А. Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека*. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2016.

Ярхо 1986 – *Ярхо В. Н. Трагедия Софокла «Антигона*. М.: Высш. шк., 1986.

Kitto 1939 – *Kitto H. D. F. The Final Scenes of the Phoenissae* // The Classical Review, 1939. Vol. 53, No. 3. PP. 104-111.

Mastronarde 2009 – *Mastronarde D. J. The lost Phoenissae: an experiment in reconstruction from fragments* // The Play of Texts and Fragments / ed. by J.C.R. Cousland and James Hume, 2009. PP. 63-76.

Michelini 2009 – *Michelini A. N. The “Packed-Full” Drama In Late Euripides: Phoenissae* // The Play of Texts and Fragments / ed. by J.C.R. Cousland and James Hume, 2009. P.63-76.

Podlecki 1962 – *Podlecki A. J. Some Themes in Euripides’ Phoenissae* // Transactions and Proceedings of the American Philological Association, 1962. Vol. 93. P. 355-373.

⁶ Понятие введено в работе: [Смирнов 2016]

Willink 2010 – *Willink C.* The Goddess ευλαβεια And Pseudo-Euripides In Euripides'Phoenissae // Collected Papers on Greek Tragedy, 2010. P. 202-223.

Zellner 1997 – *Zellner H. M.* Antigone and the Wife of Intaphrenes // The Classical World, 1997. – Vol. 90, №.5. – PP. 315-318.